

16+

Илья Славицкий
Иван Аполлинарьевич и другие

Илья Славицкий

Иван Аполлинарьевич и другие

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Славицкий И.

Иван Аполлинарьевич и другие / И. Славицкий — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Иван Аполлинарьевич Мокрицын живёт в некоей узнаваемой, но необязательно "той самой" стране. Впрочем, что значит "жить в стране" в мире, где культуры (и их отсутствие) перетекают через границы, а дом всё равно остаётся последним оплотом, даже если его охраняют только мыши?

Содержание

Про Ивана Аполлинарьевича Мокрицына	5
Снова про Ивана Аполлинарьевича	6
Иван Аполлинарьевич и философия	8
Иван Аполлинарьевич и французский поцелуй	9
Иван Аполлинарьевич и окружающая среда	10
Иван Аполлинарьевич и гео-политика.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Про Ивана Аполлинарьевича Мокрицына

1

Иван Аполлинарьевич Мокрицын был очень серьезным человеком. Однажды во вторник он пошел голосовать за демократов и упал в открытый канализационный люк.

С тех пор по вторникам он голосовал только за консерваторов. А во все прочие дни – оставался вполне демократом.

2

У Ивана Аполлинарьевича Мокрицына была новая серая кошка. Старую съели мыши, которых он забыл покормить по случаю Рождества.

3

К Ивану Аполлинарьевичу Мокрицыну в гости приехала жена. Он хотел напоить ее чаем с вишневым вареньем, но не нашел чайника. Поэтому налил в рюмку водки, и сам же ее и выпил. Жена обиделась, и назвала его дураком.

4

Сосед Ивана Аполлинарьевича Мокрицына, Егор Сидорович, любил стучать пальцами по столу марш из оперы «Руслан и Людмила». Ивана Аполлинарьевича это очень раздражало, поскольку сосед ужасно фальшивил, особенно на Ля второй октавы.

5

Жена приехала в гости к Ивану Аполлинарьевичу Мокрицыну во второй раз, надеясь все-таки попить чаю, хотя бы и без варенья. Но Иван Аполлинарьевич был непреклонен. Жену отослал в Житомир, а сам напился водки.

6

У Ивана Аполлинарьевича Мокрицына кончилась водка. Он зашел к соседу, Егору Сидоровичу, надеясь одолжить два стакана, но тот не дал. Егор Сидорович не любил латентных консерваторов.

7

Сидя в канализационном люке, куда он упал по дороге на избирательный участок в день выборов, Иван Аполлинарьевич Мокрицын вспоминал свою жену и решил, что если победят консерваторы, то он перед ней извинится. Но победили демократы.

8

Жена приехала в гости к Ивану Аполлинарьевичу Мокрицыну в третий раз, но не застала его дома. Он как раз в это время сидел в канализационном люке. Обидевшись, жена пошла пить водку к соседу Егору Сидоровичу. Но тот не дал. Он не любил жен латентных консерваторов.

9

Журналисты из Книги Рекордов Гиннеса пришли к Ивану Аполлинарьевичу Мокрицыну за интервью. Но он сказался больным и спрятался в канализационном люке до следующих выборов. Жена носила ему туда передачи с вишневым вареньем, а он не брал, и кричал из глубины, что демократы – победят!

10

Вредный сосед Егор Сидорович натравил голодных мышей на новую кошку Ивана Аполлинарьевича Мокрицына. Только это и заставило последнего вылезти из канализационного люка до начала следующих выборов. Кошку он у мышей отбил, а демократов – не смог.

Снова про Ивана Аполлинарьевича

1

Будучи в сильном возбуждении вследствие неожиданной победы демократов, Иван Аполлинарьевич Мокрицын отправился на рыбалку. Удочку он, конечно, забыл, и на следующий день сурово ругал ни в чем не виноватых победителей за пропажу рыбы.

2

Сосед Ивана Аполлинарьевича Мокрицына, Егор Сидорович, посадил редиску. Ночью Иван Аполлинарьевич забрался к соседу в огород, всю редиску выдрал с корнем, а утром ходил вокруг, ругая демократов.

3

Однажды, будучи в публичной библиотеке, Иван Аполлинарьевич Мокрицын увидел фотографию пирамиды Хеопса. И опять, как всегда, демократы были во всем виноваты.

4

Жена Ивана Аполлинарьевича Мокрицына очень по нему скучала и все время присылала открытки с видами Парижа. Иван Аполлинарьевич Париж терпеть не мог, но открытки складывал в коробку из под конфет, надеясь собрать полную коллекцию. Мыши, напротив, Париж очень любили, поскольку открытки вкусно пахли шоколадом.

5

Консерваторам тоже доставалось от Ивана Аполлинарьевича. Один раз, увидев на улице помощника администратора местного офиса консерваторов, он демонстративно отвернулся, и сделал вид, что читает объявление о пропаже сиамского котенка.

6

Окончательно отвернулся Иван Аполлинарьевич Мокрицын от консерваторов будучи обрызган из лужи проезжавшей мимо машиной мэра – консерватора и добрейшей души человека. Соседу Ивана Аполлинарьевича, Егору Сидоровичу, проходившему случайно мимо, тоже досталось, но он демонстративно вытерся носовым платком, а политических взглядов не изменил.

7

Разочаровавшись в политике, Иван Аполлинарьевич Мокрицын решил заняться домашним консервированием. С этой целью он приобрел дюжину стеклянных банок и коробку жестяных крышек. Но дальше процесс не пошел, поскольку Иван Аполлинарьевич не мог решить, что вкуснее – соленые помидоры или маринованные огурцы. Как обычно, виноваты были демократы, но и консерваторам тоже досталось.

8

Поняв, что домашнее консервирование – не для него, Иван Аполлинарьевич Мокрицын отнес банки в офис демократов, а крышки – напротив, консерваторам, и всем потом рассказывал о своей политической толерантности.

9

Больше всех, даже больше, чем обрызгавших его консерваторов, Иван Аполлинарьевич не любил зеленых. Зеленые регулярно присылали ему бесплатные билеты в зоопарк, а он в зоопарк ходил, но зеленых продолжал не любить. Абсурдность ситуации его очень расстраивала, и он нередко спрашивал соседа, Егора Сидоровича, в чем тут дело. Но сосед отмалчивался, а потом взял, да и обнес свои грядки крепкой железной сеткой.

10

Жена Ивана Аполлинарьевича Мокрицына состояла в партии зеленых. По счастью, Иван Аполлинарьевич об этом не знал, а то бы он ни за что не стал собирать ее открытки с видами Парижа.

11

Неожиданно, зеленые выдвинули Ивана Аполлинарьевича Мокрицына кандидатом в мэры. Иван Аполлинарьевич хотел решительно отказаться, но постеснялся. Местная газета назвала Ивана Аполлинарьевича честным гражданином, а сосед Егор Сидорович – тряпкой и дураком. Мыши ничего не сказали, но решили, что открытки надо доедать поскорее.

Иван Аполлинарьевич и философия

Иван Аполлинарьевич Мокрицын характером был ну точно в своего дедушку по материнской линии. Тот, бывало, поест кулебяки и давай о вечном думать. Думает-думает, бабушка, его жена, чуть уже и доктора не зовет, так долго тот думает. А Иван Аполлинарьевич кулебяки не ел, но о вечном думать тоже любил.

Обычно, он начинал думать прямо с утра, даже еще до завтрака. Вот только зубы почистит с порошком и давай думать. Жена смотрела на это, а потом махнула в Париж и вступила там в партию зеленых. Иван Аполлинарьевич сначала не расстроился, а потом, когда завтрак никто не принес, так даже и очень весьма.

После внезапного убытия единственной жены в Париж Иван Аполлинарьевич думать о вечном стал еще чаще. Даже ночью. Ляжет в кровать, вспомнит о уехавшей жене и задумается. Только мыши его от этих дум и отвлекали, а так бы совсем пропал человек.

Сосед Ивана Аполлинарьевича, Егор Сидорович, был напротив, человек очень практический. Он Ивану Аполлинарьевичу так прямо и сказал, как отрезал:

– Ты, – говорит, – Ванька, дурак, и дед у тебя был дурак. Так и будешь теперь тут с мышами консенсусы разводить.

Это он по телевизору новое слово услышал – и враз его в дело.

Но, вообще-то, Егор Сидорович был не злой. Он Ивану Аполлинарьевичу свежей редиски принес со своего огорода, да и водки бутылку. И денег не взял, хотя Иван Аполлинарьевич очень настаивал. Водку, правда, Егор Сидорович почти всю сам и выпил. Но редиску – честно поделил пополам.

Мыши, наблюдая за этим всем из подпола, сначала обрадовались, а потом расстроились. Раньше, при жене, и сыр был и хлеб и яблоки в углу, в кадке моченые. А теперь – одни открытки из Парижа, да редиска вялая на подоконнике. Мыши открытки доели, да и подались в офис к демократам. Все же, демократы лучше чем редиска.

Иван Аполлинарьевич, уж на что был склада философического, но такой наглой измены в трудную минуту мышам не простил. Плюнул, и вступил в консерваторы. Правда, взносы платить не стал, сказавшись волонтером.

Вместе с другими такими же волонтерами-новобранцами, Иван Аполлинарьевич взялся покрасить несколько полинявший от времени офис консерваторов веселенькой голубой краской, подаренной конгрегацией Адвентистов. Но получилось не совсем хорошо. Новый костюм Ивана Аполлинарьевича с трудом, но удалось отчистить. А вот обидная кличка «Голубая Партия» надолго прилепилась к городским консерваторам.

Егор Сидорович, узнав об этом, перестал подавать Ивану Аполлинарьевичу руку, но тот, как истинный философ, не стал спорить, а принял предложение зеленых и баллотировался в мэры. Правда, проиграл, чему демократические мыши были очень рады.

Потом из Парижа все же вернулась жена Ивана Аполлинарьевича. Измученный большой политикой, Иван Аполлинарьевич встретил ее у порога и поцеловал ручку. Жена расстрогалась и сказала, что все прощает.

Так философия восторжествовала над политикой. А потом вернулись и посрамленные мыши.

Иван Аполлинарьевич и французский поцелуй

Иван Аполлинарьевич Мокрицын был человеком строгих правил и пуританского поведения. Жену он любил сильно, но сдержанно, и вольностей всяких этих, новомодных, не позволял.

А тут жена из Парижа вернулась. Все в доме прибрала, плакат с призывом охранять мать При (далее было оборвано) выбросила, мышам крошек насыпала, суп сварила из цветной капусты с помидорами. Сидит, телевизор смотрит, будто и не уезжала.

Иван Аполлинарьевич супу поел – даже ложку облизал, уж очень он по жениному супу соскучился. Сел тоже рядом с женой, события смотрит.

А дело к вечеру. Мыши довольны, что крошки уже есть, а кошки еще нет. В подполе своем – шур-шур, да шур-шур. Сверчок запел, ходики тикают, вулкан на Галапагосских островах ожил, банк ограбили в Тегусигальпе, иена падает, дебаты в исландском парламенте накалились. Иван Аполлинарьевич слушает внимательно, чтобы чего важного не пропустить.

Тут жена потихоньку к Ивану Аполлинарьевичу под бок – шасть, и дышит так, с намеком. Очень это Ивану Аполлинарьевичу кандидата в мэры от демократов на прошлых выборах напомнило. Тот тоже, на трибуну залезет, и сопит, и глазками так по сторонам – вроде, подмигивает. Его за это и выбрали в мэры.

Иван Аполлинарьевич от жены отодвинулся, строго на нее посмотрел, но ничего не сказал, только канал переключил. А там кино иностранное. И аккурат, про Париж. Ну, всякие «жутембоку» и «монамуры». “French kiss”, одно слово. Жена сразу от Ивана Аполлинарьевича отлезла, и на экран смотрит.

– Вот тут я, – говорит, – была. И тут, и тут. А тут не была, но из окна такси видела. И круассаны тоже, и гарсон там такой, и Сена...

А у самой слезки из глаз – кап-кап-кап. Ивану Аполлинарьевичу жалко стало жену, что у них здесь мыши есть, а гарсонов нет, и сено тоже только прошлогоднее, подопревшее осталось. Он ее рукой правой обнял и даже хотел в плечо поцеловать.

Тут вдруг свет выключился. Телевизор замолчал, и сверчок с мышами, почему-то, тоже. Иван Аполлинарьевич только и успел подумать, что новая демократическая администрация совсем скоро город развалит, и надо будет на следующих выборах вернуться к консерваторам, как на устах своих он ощутил необычную, забытую давно цветочную свежесть. От удивления он приоткрыл рот и успел почувствовать, как что-то...

...В следующих выборах Иван Аполлинарьевич Мокрицын не участвовал по причине убытия с женой в Париж. Егор Сидорович, совершенно сбитый с толку таким поступком соседа, взял, да и проголосовал за зеленых. Мыши это поняли по-своему и весь медовый месяц Мокрицыных доедали сушеные овощи у Егора Сидоровича в кладовке. Но тот их не гонял, а только улыбался радостно.

Иван Аполлинарьевич и окружающая среда

Париж окутал Ивана Аполлинарьевича невидимой паутиной своих аллей и набережных. Инстинктивно, он крепче прижался к жене, надеясь хоть в ней отыскать что-то по-прежнему надежное, основательное, демократично консервативное... Но тщетны были его попытки, и понесло их обоих как платановый листок по ступенькам Монмартра и дальше, дальше...

Неожиданно Иван Аполлинарьевич обнаружил себя на Пляс Пигаль, причем именно в тот предвечерний час, когда неоновые огни кафе и шантанов уже вовсю манят доверчивых иноземцев в темные глубины тайных радостей и неизвестных приключений. Иван Аполлинарьевич протянул руку, ища руки своей ненаглядной, которой он только что следовал не отставая ни на шаг, но вместо знакомого тепла ее вдруг ощутил нечто совсем другое. Он обернулся и, – о ужас!, – глаза его не нашли той, кого искали, но, напротив, скользнули по пышным волнам совершенно чужого женского тела, прикрытого исключительно небрежно, в то время как рука его оказалась как раз на одной из этих волн.

Иван Аполлинарьевич уже совсем почти испугался, но вида не подал и руки не отвел. Напротив, он сделал строгий вид и собрался выразить этой парижанке своё консервативное неодобрение её манерам одеваться. Но, в этот момент он вспомнил, что в душе он – демократ, даже, отчасти, зелёный, а значит, защита природы ему тоже не чужда. Несомненно, девушка, на пышной груди которой продолжала покоиться его рука, в конце концов, тоже часть природы. И не самая худшая.

Растроганный, он положил и вторую руку рядом с первой и уже собирался сказать что-нибудь подходящее моменту, но тут он вспомнил, что в Париже, в основном, говорят по-французски, а он знает по-французски только «Уи» и «Пардон», да и то не вполне твердо.

Затянувшаяся несколько пауза была неожиданно прервана непонятно откуда появившимся лицом восточной наружности в приталенном пиджаке с искрой, узких брючках и лаковых штиблетах. Без долгих рассуждений субъект помахал перед носом Ивана Аполлинарьевича купюрой в 100 евро, потом сунул купюру себе в карман и застыл в немом вопросе. Иван Аполлинарьевич, как человек вежливый, и видя, что от него ждут чего-то, постарался употребить все свои знания. После третьего «Уи» и четвертого «Пардон», субъект что-то коротко сказал девице, и та, подхватив нашего героя, прижала его к себе и поволокла куда-то в глубину узкого переулка.

А еще через полчаса она же вытолкнула его из переулка назад, в исходную точку, где он немедленно обнаружил свою благоверную, внимательно рассматривающую витрину Пипшоу. Увидев Ивана Аполлинарьевича, она отвела глаза и сделала вид, что изучает архитектуру здания конца девятнадцатого века, случайно обнаруженного ею на площади. Иван Аполлинарьевич благородно ничего ей не сказал, а просто подхватил под руку и повлек скорее прочь от этого нехорошего места, туда, где вдали виднелось величественное здание Гранд Опера.

...На следующее утро события прошедшей ночи казались ему сном. И он уже почти убедил себя, что это и был лишь сон, если бы не двести двадцать евро, на которые похудел его кошелек. Почему двести двадцать, а не сто, он так и не смог себе объяснить, но потом, уже вернувшись домой, рассказывая друзьям о поездке, всегда упоминал о своем вкладе в защиту парижской окружающей среды.

У мышей по этому поводу было особое мнение, но они его никому не рассказывали.

Иван Аполлинарьевич и гео-политика.

Дом у Ивана Аполлинарьевича был хороший, крепкий. В нём еще дед его, тоже Иван, жил, пока в Океанию не уехал, туземцев географии учить. Бабка деда Ивана уж как отговаривала, да так и не смогла. Упрямство это у них, у Мокрицыных, в роду. Пришлось бабке чемоданы складывать. Потом, правда, она маленькому Ване попугайчика прислала с оказией. Перо от его хвоста до сих пор в гостинной в вазочке торчит. Остальное кошка съела.

А отец Ивана Аполлинарьевича, Аполлинарий Иванович, путешествовать не любил, зато обожал марки разных стран коллекционировать. Сядет, бывало, к столу, альбомы разложит, и давай страны разные перечислять, откуда у него марки есть. Их у него, наверное, десять альбомов собралось, или даже одиннадцать. Он поэтому и кошку завёл, чтобы мыши марки не съели. А досталось, почему-то, ни в чём не виноватому попугаю. Жена его вторая, Ванина мама, как раз собиралась рыбок завести. Чтобы мальчик за ними ухаживал и становился к природе добрее. А тут такая история. Но Аполлинарий Иванович с кошкой были непреклонны, и от рыбок пришлось отказаться.

И Иван Аполлинарьевич такой же. Скажет чего, и всё. Точка. Ему что мыши, что жена, что политика – на всё готово своё мнение. Мыши с женой это давно поняли, и спрашивать перестали, чтобы зря не обострять. А вот демократы с республиканцами долго надеялись, что удастся его переубедить, и письма с приглашениями слали. То на ужин, то на презентацию, а то просто так, на пикник благотворительный. Иван Аполлинарьевич на ужин придёт, всё, что положено, съест, да ещё с собой возьмёт. А как активист с ящичком для пожертвований к нему подойдёт, сразу с женой начинает что-нибудь важное обсуждать, про налоги в Евросоюзе, или про итальянскую коррупцию, или про отношения с той же Океанией. И так этим увлечётся, бывает, что активист постоит – постоит, да и дальше пойдёт, к тем, кто не так серьёзными проблемами большой политики озабочен. Жене, конечно, неудобно, что так всё получается, а сказать боится, знает мужнин характер.

И, что самое интересное, все, и демократы, и консерваторы, и даже зелёные, к которым он, можно сказать, и не ходил-то совсем, стали считать Ивана Аполлинарьевича очень глубоким знатоком, и даже в списках присутствовавших гостей в газетах стали называть его не иначе как «геополитический аналитик и адвайзер».

Такое уважительное отношение очень льстило Ивану Аполлинарьевичу, но, со свойственной ему скромностью, он, обычно, от мест в Президиуме отказывался, а если и соглашался, то всегда садился с краю, поближе к жене.

И всё бы так продолжалось, если бы не один досадный случай.

Однажды, проездом на очередные «праймериз», в город прибыл известный сенатор-демократ М. Визит был неофициальный, и местные демократы решили устроить небольшую благотворительную вечеринку для самых приближенных к кругам и местного бизнеса. Конечно, Иван Аполлинарьевич с женой были в числе приглашённых гостей.

И, как раз в это же время, проездом с очередных «праймериз» в город прибыл не менее известный конгрессмен-республиканец N. Естественно, Иван Аполлинарьевич был в первых строках приглашения на республиканский ужин.

А, надо сказать, что, несмотря на свою репутацию в политическом истеблишменте, как человека строгих взглядов, Иван Аполлинарьевич старался не выказывать предпочтений какой-то одной партии. В известной степени это соответствовало его философической натуре. Кроме того, кормили, обычно, одинаково хорошо и те и другие, так что особо критиковать какое-то одно политическое течение повода не случалось.

А тут, неожиданно, проблема выбора встала во весь рост. Или пойти к республиканцам, и отказаться от таких любимых им ещё по медовому месяцу в Париже круассанов, жульена и

фуа-гра с профитролями, или, напротив, пойти к демократам, и не попробовать суши и сашими сорока трёх видов и нежнейших омаров с устрицами.

От одной мысли о возможности пропустить такое в животе у Ивана Аполлинарьевича стало холодно, и в голове его началось кружение. Не задумываясь, что делает, он плеснул себе в стакан водки, оставшейся с прошлого визита соседа, Егора Сидоровича, и выбежал на кухню. А там жена как раз кулебяку в духовку ставит. Почему вдруг – кулебяку, и почему именно в этот день, осталось тайной большой политики. Но известно наверняка, что оба приезжих гостя, и сенатор и конгрессмен, вынуждены были доедать свои разносолы, обсуждая вопросы если и серьёзные, то всё же не такие, как они втайне надеялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.